

Г. И. Муромцев¹**ДИАЛОГ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Рассмотрению столь сложной и многогранной темы следует предпослать вопросы методологического характера. Представляется, что именно они лежат в основе парадигмы данного исследования, предопределяя в известной мере его содержание. Это прежде всего вопрос о том, что есть диалог правовых культур. Если в общепринятом значении диалог есть разговор, где участвуют два или несколько субъектов², то в данном случае перед нами субъекты комплексные, имеющие сложное строение. В этих условиях возникает вопрос: какие стороны (аспекты, «параметры») правовых культур вступают в диалог? Какова в нем роль государства? Предполагает ли он лишь добровольные контакты между правовыми культурами либо сюда же входит одностороннее навязывание силой правовой культуры более развитой страны стране либо странам с более низким уровнем социокультурного развития? Наконец, возникает вопрос о факторах, обуславливающих историческую необходимость межкультурного диалога вообще и диалога правовых культур в частности.

Для определения «параметров» правовых культур нам следует раскрыть содержание понятия структуры правовой культуры, а также место, занимаемое той или иной из них в рамках типологии и классификации правовых культур. Поскольку правовая культура есть элемент культуры общесоциальной, то ее структура воспроизводит структуру этой последней. Мы можем выявить ее элементы, если рассмотрим ту и другую культуру как результат, с одной стороны, предшествующего исторического развития, с другой, его отражения общественным сознанием на тот или иной момент истории. При таком подходе в структуре общесоциальной и правовой культур можно выявить элементы объективного и субъективного характера. В первой из этих культур под элементами объективного характера следует понимать то, что создано в ее рамках интеллектом и руками человека за предшествующую историю. Тогда элементами субъективного характера будут исторически изменчивые формы восприятия культурной действительности в общественном сознании. Каждый человек, появляясь на свет, воспринимает эту действитель-

ность «с нуля», но познает ее сквозь призму культуры, к которой принадлежит. Это восприятие включает также осознание того, что он живет в окружении культур «чужаков».

В рамках правовой культуры в качестве объективных элементов ее структуры выступают сложившиеся в ходе истории структура права, его нормы и источники, юридическая техника и т. д., а в качестве субъективных — общественное правовое сознание, важнейший элемент которого — общественная правовая психология. К сожалению, степень ее изученности, особенно в контексте исторической эволюции, явно недостаточна. Между тем именно она представляется важнейшим звеном в «механизме» (или «технологии») диалога культур. Теоретически в диалоге, или взаимодействии, правовых культур одинаково участвуют как объективные, так и субъективные элементы. Однако присутствующий при этом политический интерес может привести к доминированию одних и недооценке других, отторжению элементами одной культуры элементов другой и т. д.

Поскольку правовая культура, как и культура общесоциальная, есть понятие историческое, то, следовательно, диалог правовых культур — также историческая категория. Он возникает и развивается в ходе истории, в течение которой изменяются как содержание, так и формы, в которых он происходит. В условиях разнообразия правовых культур и неодинаковости их развития важное методологическое значение приобретает вопрос об их типологии и классификации. Под типом правовых культур мы понимаем в данном случае некую их совокупность, объединенную известной общностью мировосприятия и правопонимания, структуры права и механизма его действия, статуса личности и характера ее взаимоотношений с властью. Представляется, что типологически правовые культуры (и правовые системы) разделяются на традиционные, существующие на добуржуазной стадии истории, и буржуазно-европейские, сложившиеся с формированием капитализма. В Европе традиционный тип правовых культур практически исчез, тогда как в Африке и на Востоке эти культуры (их элементы) широко распространены. Правовые культуры традиционного типа отличает прежде всего слитность права с религией. Отсюда — восприятие мира вне контекста истории, а права — в качестве несотворимого, вечного и неизменного. В условиях слитности право (в сфере личного статуса) носит личный (а не территориальный) характер, сфера его действия может не совпадать с границами государства.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Конституции арабских государств», «Мусульманское право (структура и основные институты)», «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции», «Конституционное право развивающихся стран», «Теория государства и права», «Право и политика в современной России», «Право и культура» и др.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 146.

Классификация правовых культур традиционно-го типа позволяет выделить обычно-правовую, иудейскую, индусскую, зороастрийскую, исламскую и другие правовые культуры. Сюда же следует включить традиционную правовую культуру феодальной Европы¹. В рамках буржуазно-европейского типа обычно выделяют англосаксонскую и романо-германскую правовые культуры. Особо следует выделить страны Африки и Востока, где сосуществуют правовые культуры того и другого типа. Приведенная картина позволяет заключить, что межкультурные контакты (или диалог правовых культур) возможны на внутритиповом и межтиповом уровнях. Последний вариант обусловлен неравномерностью развития различных стран и народов, вследствие чего одни из них вырываются вперед, а другие используют их опыт при решении собственных задач². Такое видение проблемы делает диалог, или взаимодействие культур, общесоциальных и правовых, неотъемлемой частью исторического процесса.

Определяя исторические рамки диалога правовых культур, следует поставить вопрос: с чего он начинается в истории? Если право возникает одновременно с возникновением человеческого общества («Где общество, там и право»), то можно ли утверждать, что одновременно с этим в истории возникают культура вообще (культура в общесоциальном смысле) и правовая культура? Думается, ответ здесь не может быть однозначным. Действительно, с одной стороны, культура, или цивилизация, предполагает письменность как способ (средство, инструмент) передачи от поколения к поколению накопленных знаний, навыков, умений, а также обычаев, традиций, законов и т. д. С другой стороны, в бесписьменную эпоху уже формируются (пусть еще в примитивной форме) определенное видение мира, система ценностей, понимание права (хотя термина, адекватного европейскому понятию права, обычно еще нет), механизм разрешения социальных конфликтов и т. д. Иными словами, возникает некая «конструкция», выступающая историческим предшественником и основой общесоциальной и правовой культур в их современном понимании.

Грань между общесоциальной культурой и культурой правовой здесь еще трудноразличима. Но именно на этой стадии истории формируется модель взаимоотношений между племенами, этносами, социальными общностями как носителями формирующихся правовых культур. Как это ни парадоксально, но в ее основе лежат факторы не только позитивного, но и негативного свойства. Так, для традиционных обществ типично мировосприятие, исходящее из деления мира на «своих» и «чужих». К «своим» здесь относятся те, кто принадлежит к данной общности (большесемейной, племенной, этнической и т. д.), исповедует ее религию и следует персональному праву ее членов.

Поэтому под защитой права и религии находятся лишь «свои». «Чужие» же есть неправовые существа,

¹ Пожалуй, можно предположить, что культура такого типа существовала также в доантичных Греции и Риме.

² В обоснование этой исторической закономерности развития стран и народов внес значительный вклад видный отечественный историк-медиевист А. Я. Гуревич (См.: Гуревич А. Я. Начала феодализма // Гуревич А. Я. Избр. тр. : в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 194–198).

и по отношению к ним допустимы любые насильственные действия — война, грабеж, уничтожение культурных ценностей и т. д. Древние римляне, давшие миру непревзойденную систему частного права, отличались вместе с тем невероятной жестокостью во время своих завоевательных войн. Этому способствовала психология общества, где сильны пережитки родового строя (существовавшего, как известно, за счет присвоения продуктов природы) и, следовательно, еще не развиты навыки повседневного напряженного труда. Поэтому захват чужого имущества обычно был предпочтительнее созидания его посредством собственных трудовых усилий³.

Вместе с тем военный захват подчас имел и обратную сторону, когда захватчики воспринимали более высокую культуру побежденных народов. Пример тому — римская государственность, воспринятая германскими варварами, арабские завоевания в VII–VIII веках, в ходе которых арабы восприняли достижения более высоких цивилизаций, обогатив тем самым исламское право⁴.

Наиболее эффективным фактором межкультурного диалога, начиная с глубокой древности, является экономический обмен, торговля между странами и народами, в ходе которых происходит невольное взаимовлияние правовых культур, их взаимообогащение. Сюда же следует включить использование в решении собственных правовых проблем опыта более передовых стран (пример тому — помощь греков римлянам в подготовке Законов XII таблиц; приглашение на княжение «чужих» князей в некоторых странах, включая Русь, и т. д.).

Вместе с тем в условиях слитности права и религии следует различать взаимодействие правовых культур в сфере, которую мы сегодня относим к частному праву, и в области публичного права. Так, слитность религии, права и морали, характерную для традиционнорелигиозных правовых систем Востока, российский востоковед Л. С. Васильев сравнивал с панцирем, отторгающим всякое внешнее воздействие⁵. Неудивительно, что восприятие всякой иной правовой и политической культуры в этой области равнозначно вероотступничеству, то есть тягчайшему по тем временам преступлению. В римском публичном праве мы находим пережитки такой же структуры. Многократно цитируемая мысль Ульпиана, что публичное право относится к положению римского государства, несет на себе отпечаток позитивистского правопонимания. Между тем несколькими строками ниже Ульпиан пишет о том, что публичное право «включает в себя святыни (sacra), служение жрецов, положение магистратов»⁶. Характерно,

³ Так, по свидетельству А. Я. Гуревича, викинги подчас предпочитали пролить кровь на поле сражения во имя захвата чужой собственности, нежели проливать пот ради того, чтобы вспахать поле и долгие месяцы выращивать хлеб (См.: Гуревич А. Я. Викинги // Гуревич А. Я. Избр. тр. : в 2 т. Т. 1. С. 123–125).

⁴ См., например: Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966.

⁵ См.: Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1988. С. 18.

⁶ Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / пер. и предисл. И. С. Перетерского ; отв. ред. Е. А. Скрипилов. М., 1984. С. 23.

что в этом перечне святыни и служение жрецов предшествуют положению магистратов, что позволяет сделать вывод, что в римском праве религия рассматривалась как его первооснова. Однако здесь мы видим уже попытки использования Римом опыта Греции в вопросах законодательства и кодификаций.

Итак, уже в древности и Средневековье взаимодействие культур отличалось разнообразием форм. Во взаимодействие вступали, как правило, однотипные правовые культуры. Их несовместимость вследствие исторической разнотипности была еще крайне редкой. Диалог культур происходил как с участием государства (обмен опытом законодательства, кодификаций и т. д.), так и без него (торговля, деловые контакты и т. д.). Редким исключением был прогресс в развитии правовых культур в результате победоносной войны.

На характере диалога правовых культур сказывался факт слитности права и религии, вследствие чего диалог начинался подчас посредством религии, а завершался на уровне права (обращение в ислам неарабских народов, что предопределяло восприятие и мусульманского права).

В средневековой Европе описанная картина дополняется тем, что контакты между правовыми культурами одной и той же эпохи дополняются контактами между правовыми культурами, разделенными в истории многими веками. Так, в эпоху Возрождения шел процесс восприятия древнегреческой культуры, в нашем случае философии, что создало основу для обращения к человеку как высшему началу бытия и способствовало в будущем разработке концепции прав человека.

Рецепция римского права в средневековой Европе сыграла выдающуюся роль в дальнейшем развитии права в странах континента. Весьма важно, что рецепцию обусловила потребность развивающегося рынка в адекватной правовой форме. Поэтому римская правовая культура была воспринята сначала в европейском обществе, а потом уже на уровне государств, составив основу континентальной европейской правовой культуры.

Россию также относят к странам романо-германского права. Однако в отличие от стран Западной и Центральной Европы, здесь, начиная с эпохи Петра I, рецепция осуществлялась в сфере не частного, а публичного права. К тому же речь шла о восприятии не римского права, а законодательства ряда стран европейского континента, воспринявших римское право. Процесс рецепции осуществлялся здесь в обратном порядке — от государства к обществу. Он преследовал прежде всего государственные интересы и не оставил глубокого следа в общественном сознании.

Техника рецепции иностранного права в постсоветской России родственна политике в этой области Петра I в смысле абсолютизации воспринимаемых норм и недооценки уровня российского правового сознания, которое этим нормам не соответствует. Так, закрепление в Конституции РФ 1993 года принципов развитого буржуазного общества без учета того факта, что это общество (пусть и второй раз в нашей истории) лишь начинает создаваться, изначально обуслови-

ло фиктивность ряда фундаментальных конституционных положений.

В Новое и Новейшее время одним из направлений взаимодействия правовых культур в мире стал факт колониального порабощения многих стран европейскими державами. Теоретически колониальный режим означал распространение действия на колониальную территорию права метрополии. В действительности ситуация здесь имела двоякий характер. На одних территориях (Северная Америка, Австралия) европейское право утверждалось почти в «чистом» виде, поскольку местная традиционная культура, а подчас и ее носители здесь попросту уничтожались. В других регионах (Тропическая Африка, Ближний и Средний Восток) колонизаторы столкнулись с традиционными правовыми культурами, которые в ряде своих параметров оказались несовместимы с европейским правом. Такая несовместимость была обратно пропорциональна уровню социально-экономического развития той или иной колониальной страны. И хотя колониальный период прошел под знаком внедрения в колониях европейского права, однако и сегодня правовые культуры этих стран сочетают европейские и традиционные элементы.

В новой и новейшей истории России важное воздействие на развитие правовой и политической культуры оказали войны, в которых она потерпела поражение. Так, следствием Крымской войны стали реформы Александра II, Русско-японской войны — принятие основных государственных законов 1906 года, Первая мировая война привела к революциям 1917 года, а афганская война — к распаду СССР.

Две мировые войны, имевшие место в прошлом столетии, оказали существенное влияние на развитие законодательства, правового и политического сознания во многих странах мира. Так, создание Лиги наций, а затем Организации Объединенных Наций были попыткой мирового сообщества создать механизм обеспечения международного мира и безопасности, призванный не допустить повторения подобных кошмаров. Агрессивная война объявлена сегодня преступлением против человечества, а многие государства провозгласили в своих конституциях политику мира в качестве одного из основополагающих принципов.

Что касается глобализации как фактора межкультурного диалога, то здесь не все представляется однозначным. В подходе к рассмотрению проблемы видится элемент идеализации. В самом деле, в недалеком прошлом глобализация отождествлялась чаще всего с европейской интеграцией в рамках Европейского союза. Однако сегодня Евросоюз переживает не лучшие времена, когда юридически на повестку дня ставится вопрос о возможности его сохранения. Что касается остального мира, то он представляется единым лишь в научно-техническом отношении (Интернет, мобильная телефонная связь и т. д.), однако сохраняются межкультурные различия, и самое главное — возрастает разрыв в уровнях социально-экономического развития наиболее передовых и наиболее отсталых стран. В этих условиях мечты о мировом праве и мировом государстве представляются утопическими.